

Поезд на станцию Ук

Культура. —
1999. — 23-29 дек. — с. 9

“Избранное”. Книга о Вампилове

На презентации этой книги, выпущенной издательством “Согласие”, о Вампилове говорили как о классике. Считалось, что на этот счет ни у кого не может возникнуть и тени сомнения, поэтому вся атмосфера мероприятия сильно напоминала юбилей прижизненно канонизированных аксакалов и гертруд советского времени. Между тем, в столице на сегодняшний день осталось всего два вампиловских спектакля, оба в маленьких театрах — у Ю.Погребничко и у М.Розовского, причем идут они от силы раз в месяц. На иркутской афише Вампилов, кажется, представлен не лучше.

Под аккомпанемент славословий трудно было не задуматься не только о том, как они запоздали, но и о театральной неостребованности Вампилова. Как знать, изменит ли тут что-нибудь с любовью подготовленная (вся драматургия, рассказы, рабочие и мемуарные записи, письма) и превосходно изданная книга? Хочется верить, что изменит, но опасаясь, что едва ли.

А еще искал соблазн вообразить себе, как бы ко всему происходящему отнесся сам Вампилов. И возникало подозрение, что ему бы снова захотелось на станцию Ук.

Эта таинственная станция начала его приманивать, как только в очередной раз рушилась мечта увидеть свою пьесу поставленной на московской сцене. Истинные друзья и ценители Вампилова (в особенности тогдашний ермоловский завлит Е.Якушкина, борвавшая за него самоотверженно) умоляли еще потерпеть, тиснуть зубы. А у него в письмах раз за разом одна нота: забросил бы пьесы, благо “не поздно еще на это дело плюнуть”, и стал бы учителем в глухомани. Пишется это не в состоянии депрессии и не в минуту аффекта — спокойно, доверительно, потому что письмо адресовано жене. И вот как бы между делом: “Заканчивай университет, поедем с тобой на два года в деревню — отдохнуть и переждать эту гнусную ситуацию”. Весна 1970-го. Осенью скромный альманах “Ангара” напечатает “Утиную охоту”.

Да, свое главное произведение на сцене он не увидел. “Новый мир” эту пьесу не взял, несмотря на расположение Твардовского. А первый раз ее играли по-молдав-

Фото ИТАР — ТАСС

ски, в “Лучаферуле”, когда Вампилова уже четыре года как не было на свете.

И “Чулимск”, первоначально писавшийся для Театра им. Маяковского, поставлен совсем другими театрами — тоже посмертно. Даже “Ангара” с опубликованным текстом Вампилов не успел поддержать в руках. Но, думается, “гнусная ситуация” — это для него не только запреты. Не только доносы сотрудников иркутского технического бюро, возмущенно сигнализировавших властям, что их учреждение очернено в “Утиной охоте”. Не только диктат клерков из управления культуры, которые получили шанс остаться в истории своим героическим подвигом: это их стараниями на сцену не допускался “Старший сын”, поскольку там советский офицер изображен дураком и бурбоном.

Однако мнение Г.А.Товстоногова, назвавшего его рядом с Володиным как драматурга милостью Божьей, перевешивало все запре-

чительные вердикты. И в одном из последних писем Вампилов убежденно говорит: пусть теперь посмеют утверждать, что “нет такого сочинителя пьес”.

На полуслове оборванную пьесу “Несравненный Наконечников” предполагалось закончить картиной бегства героя, измученного своими мытарствами, через зрительный зал: за ним несется режиссер, решившийся-таки поставить его злополучную пьесу. Похоже, нечто подобное грезилось самому Вампилову, получавшему известия, что постановка, вроде бы почти уже начатая, опять откладывается на неопределенный срок.

Но поезд на станцию Ук остался в тупике. Вампилов был не самозванцем в драматургии, он был человеком театра, знавшим, какая магия скрыта “в этом психоватом и изнурительном деле”. Ему не требовалось объяснять, что здесь “над тряпьем и хламом в тяжком воздухе интриг и администрирова-

ния носятся все же еще и надежды, и поэзия”.

Это ощущение надежды старались поддерживать люди, по справедливости оценившие его дарование. Их было не так много, и все-таки неверно все беды Вампилова объяснить тем, что в его судьбе повторился вечный конфликт властей с художником. Не без царяпин и мук, но все же почти все главные пьесы появились в печати при его жизни. Желаящих поставить их было с избытком, они, за вычетом “Утиной охоты”, и ставились в провинции, а “Два анекдота” — даже в БДТ. Помнящим то время книжки с вампиловскими названиями кажутся чудом. Пусть даже книжки выходили под грифом “Репертуар художественной самодельности”.

Среди его записей почти не встречается таких, где он сетует на судьбу. Зато там есть ставший знаменитым афоризм про театр, который “никогда не умрет: люди никогда не перестанут валять дурака”. Вампилов знал, что среди таких людей он, уж, разумеется, не последний, это и заставляло его, позабыв про школу на полустанке, сидеть над рукописью, которую, очень может быть, отправит в долгий ящик очередной чиновник или худрук, пребывающий в состоянии перманентного перепуга. Со временем он привык к тому, что почти всякий раз у него складывались конфликтные отношения с театром.

В том, что запреты были основной причиной этого конфликта, можно было убедиться после того, как барьеры были (кстати, еще в советские времена) преодолены и Вампилов стал репертуарным автором. Он стал им ненадолго — от того, что сразу выяснилось: ключа к его драматургии у театра нет. Театр был к ней просто не готов.

Вряд ли тут что-то сдвинулось к лучшему и после всех “перестроек”. Пожалуй, наоборот: заведя обыкновенные посещать театр ради парада звезд в пустяковой антрепризной мелодраме или эскападомороженного постмодернизма, нынешняя публика в массе своей, похоже, совсем не тянется к Вампилову. Время Вампилова? Оно, несомненно, придет, потому что смыслы, заложенные в его пьесах, не то что не исчерпаны, а пожа-

луй, даже и как бы обнаружены. Но придет оно — как бы хотелось ошибиться! — не завтра.

Во всяком случае, оно не наступит, пока вампиловские пьесы будут, как уже много раз случалось, вплотную приближать к злобе дня, не пытаясь увидеть в них коллизии и сюжеты, лишь в слабой степени зависящие от меняющихся обстоятельств. Установка режиссеров, старавшихся выделить в этом материале что-то легко узнаваемое и остро актуальное, на моей памяти погубила не один спектакль. И нынешний театр, и пишущая о Вампилове критика обычно убеждены, что он изображал будни, добываясь впечатления полной достоверности. Вот они, жизненные тяготы, незаметные драмы, моральные деформации, которые так всем знакомы из собственного опыта. Всмотритесь в этих персонажей — да ведь это люди, которые встречаются на каждом шагу. А воссозданная на сцене история очень многое дает для социологии нравов.

Вероятно, так оно и есть, но только Вампилов писал не социологические этюды и не публицистику. Он писал пьесы, определяя их жанр в очевидном несоответствии с невеселыми историями, которые в них рассказаны: “трагикомическое представление”, “анекдот”. В какофонии склок, неустойчив, ничтожных страстей, грошых мечтаний у него звучала щемящая нота, а подчас и мелодия неподдельной трагедии. Из запечатленной им исторической реальности вырастала лирика. И фарс совмещался с драмой, а в невероятном, поначалу чисто комическом происшествии угадывалась настоящая боль.

Этот уникальный союз буффонады и драматизма, эта фантазмагория, которая возникала в гуще будничности, пока что остаются для театра недоступной вершиной. Не отыскав подступы к ней, проще всего сделать вид, что тропка, ведущая в обход, самая верная. Но это иллюзия: Вампилов для русского театра такое событие, что попросту невозможно дальше существовать так, словно его не было. К нему вернуться. Обязательно вспомнят о поезде, стоящем на станции Ук.

Алексей ЗВЕРЕВ